

Чемберлены - семья язычников и ведм, живущая в Де-Мойне, штат Айова. Поклоняясь Богине, они ждут времени Перехода для двух самых младших членов семьи, брата и сестры-близнецов Джона и Сюзанны Чемберлен. Пересечение - это период повышенного сексуального желания, во время которого их тела будут побуждаться к поиску пары и рождению детей. Не зная ни Джона, ни Сюзанны, Джон был выбран отцом следующего поколения детей Чемберленов из-за неспособности его старших кузенов и сестры найти себе партнеров, которые должны быть людьми, обладающими властью.

Однажды ночью в мае и Джон, и Сюзанна переходят дорогу. Однако древнее зло, известное как Темный, подстерегает их. Оно доводит Сюзанну до состояния неистового вожделения, и то же самое делает с Джоном, вторгаясь в его разум. Только благодаря вмешательству Клэр Чемберлен, их матери, в последнюю минуту удается отогнать Темного.

После их спасения Клэр объясняет детям, что они - потомки Высшего, который сотни лет назад спарился с их многократной бабушкой. В обмен на продолжение их рода Богиня постановила, что все их сексуальные контакты должны происходить по любви, иначе и род, и власть будут утрачены. Клэр объясняет, что Джон должен спариться с Сюзанной, а также со своей сестрой Элеонорой и кузинами Хильдой и Агатой.

Джон соглашается на это и в ту же ночь берет Сюзанну в качестве своей первой подруги. В ту же ночь, в той же постели, он берет в любовницы и свою мать.

Наша история продолжается...

Глава 1

На следующее утро Джон проснулся с прекрасным самочувствием. Он лежал в обнимку с сестрой на кровати в гостевой спальне, его руки защитно обхватывали ее живот, а его пах прижимался к ее заду. Моргнув от яркого света, проникающего через восточное окно, он на мгновение вспомнил судьбоносные события предыдущего вечера. Он вздрогнул, вспомнив темную силу, которая побуждала его к Сюзанне, пока его мать не пришла им на помощь.

Сделав глубокий вдох, он вдохнул запах Сюзанны. От нее пахло чистой кожей и клубничным кремом. Где-то ночью она, должно быть, встала, чтобы принять душ. Взглянув на часы на стене, он увидел, что уже почти восемь утра.

Принять душ - хорошая идея. Надо бы привести себя в порядок до прихода остальных членов ковена. Он смутно помнил, как его мать будила их поздно ночью, чтобы сказать, что остальная часть семьи будет "в гостях" на следующее утро.

Скорее, чтобы посмотреть на жертвенного агнца, подумал он. По утрам Джон был не в лучшем расположении духа и, как правило, был крест-накрест, пока не выпивал большой стакан сока, не завтракал и не просматривал спортивную страницу газеты "Де-Мойн Реджистер".

Тихонько он отстранился от Сюзанны. Она издала сонный, счастливый звук, когда он поцеловал ее в щеку, но он смог встать, не разбудив ее. Он тихо пробрался по коридору наверх в большом, ветхом доме в северной части Де-Мойна, миновал другие спальни и пошел в душ. Намыливаясь, он рассматривал свой член.

"Если эрекция длится дольше четырех часов, обратитесь к врачу", - сказал он, передразнивая рекламу таблеток от стояка, которую, казалось, безостановочно крутили по его любимым спортивным каналам. Если только она не прошла за ночь, он не думал, что его эрекция ослабла в какой-то момент между прошлой ночью и сегодняшним утром. И уж точно не спешила сейчас.

Если мама была права, подумал он, то в ближайшие несколько месяцев мне понадобится вся помощь, которую я смогу получить. Правда, в раздевалке может быть немного неловко. Он подавил истерическое хихиканье. Он словно провалился сквозь портал в другой мир. Менее дня назад его мысли были заняты бейсбольным матчем и подготовкой к последнему в его жизни финальному туру в средней школе. Теперь же он оказался избранным сосудом, который должен оплодотворить четырех невероятно сексуальных женщин, все из которых - его родственницы, чтобы продолжить род его шабаша.

И, очевидно, у нас также есть чертовски большой враг. Сюззи, возможно, забыла об этом, но я - нет. Мы должны поговорить с мамой как-нибудь сегодня. Похоже, у мамы есть история с этой штукой. А теперь и у нас с Сюззи. Мы должны ему немного отплатить.

Работая быстро, он намылился, ополоснулся, вымыл волосы и высушился. Вспомнив слова матери, сказанные накануне вечером, он побрился, почистил зубы и прополоскал рот. Идя обратно по коридору, он намеревался зайти в свою комнату и одеться, пока не появилось остальное громогласное стадо. Но почему-то ноги привели его обратно в спальню для гостей. Сюзанна все еще спала. Она уже не свернулась калачиком на боку, а лежала на спине, и простыня, служившая им единственным укрытием, была повернута так, что он мог видеть длинную, худую правую ногу.

Почти непроизвольно он вошел в спальню. Он почувствовал запах ее нежного возбуждения. Подойдя ближе к кровати, он увидел, как слегка покачиваются ее бедра, приводимые в движение небольшими движениями ягодиц, и заметил, как полураскрылись лепестки ее полового органа.

Я ей снюсь, подумал он. Я должен разбудить ее наилучшим возможным способом.

Двигаясь тихо, почти бесшумно, он осторожно снял простыню с ее тела. Затем он перекинул свое тело через нижнюю половину кровати, благословляя свою мать за то, что ей хватило дальновидности купить такой большой холст для искусства их занятий любовью. Прошептав молитву Богине, молясь о том, чтобы не совершить ошибку, он расположил голову между бедер сестры и впервые лизнул ее киску.

Если он ожидал мгновенного оргазма женщины, сведенной с ума мастерством его языка, то

его ждало разочарование. Вместо этого Сюзанна слегка приподнялась над ним, но не подала никакого другого намека на то, что она знает о его присутствии. С ее терпким вкусом на языке Джон продолжал лизать ее, надеясь доставить ей удовольствие и еще больше надеясь, что она проснется и даст ему знать, что он делает правильно, если вообще что-то делает.

Все было бы гораздо проще, если бы ты подождал, пока она проснется, тупица, подумал он про себя. Не так-то просто получить инструкцию по сборке, когда единственный человек, который ее знает, крепко спит. Тем не менее, он продолжал упорствовать, настойчиво лизая то место, где, как он смутно помнил из уроков сексуального воспитания, мог располагаться клитор.

Должно быть, что-то происходит, подумал он, бросив взгляд на живот Сюзанны, на ее груди и лицо. Хотя ее глаза были по-прежнему плотно закрыты, лицо покраснелось, а соски втянулись в маленькие тугие точки, которые он так обожал. А ее живот? Было ли это дрожание предвестником высшего наслаждения женщины?

Он снова поднял взгляд. Глаза были слишком напряжены. Лицо было слишком покрасневшимся. И дрожь была не приближающимся оргазмом, а...

хихиканье.

"Ты смеешься надо мной", - резко сказал он. Глаза Сюзанны открылись.

"Ну, да, немного", - признала она, ее глаза повеселели. "Ты выглядел так мило там внизу. Как Покус у своей миски с водой. И было так очевидно, что ты понятия не имеешь, что делаешь, но ты все равно продолжал пытаться", - ее рука погладила его по щеке.

"Это было довольно мило", - сказала она, отступая назад по кровати, пока не оказалась в полусидячем положении, поддерживаемая множеством пушистых подушек. "Поднимись ко мне. От этого угла у меня затекла шея".

Джон поднялся на кровать, но не покинул своего места между ее ног.

"Теперь посмотрим, - злобно усмехнулась Сюзанна, - я без труда догадаюсь, что ты пытался сделать, но тебе еще многое предстоит узнать о том, как это делается!"

"Дай мне передохнуть, сестренка, это всего лишь мой второй день", - ворчал Джон. "Может быть, у тебя и получилось бы лучше, но мой член на виду у Богини и всех остальных. Все твои кусочки... спрятаны! Я работаю без карты!"

Лицо Сюзанны над ним смягчилось. "Я знаю, что это так, милый. И я ценю твои усилия. Так что давай убедимся, что ты знаешь, что делаешь".

Сусанна положила ноги на кровать, подняла колени и широко развела ноги. Пальцами она

осторожно раздвинула половые губы, обнажив самые нежные части тела.

"Вот мой клитор", - тихо сказала она, погружая палец в свою влагу, а затем нежно потирая кончик о маленький узелок плоти. "Хочешь потрогать его?"

Джон вяло кивнул. Следуя ее примеру, он смочил палец в ее влажных складках, а затем нежно прикоснулся к ее самому чувствительному органу. Сюзанна над ним тихонько зашипела от удовольствия. Джон приблизил свое лицо. Теперь, когда он знал, где работать, он хотел посмотреть, будет ли его язык так же эффективен на ней, как ее на нем. Посмотрев вверх в поисках разрешения, он зарылся лицом в стык ее бедер и воспользовался уроком, который она ему преподала. Став мудрее, он провел языком по ее пуговице.

"Мягче, Джонни", - сказала она, и он сделал свои движения менее резкими, менее отрывистыми. "Да, так лучше. Помни, - сказала она, ее голос начал дрожать, а бедра выгибаться вверх, - "Обращайся с каждым... каждым дюймом меня так, как ты хочешь, чтобы я обращалась... чтобы я обращалась с головкой твоего члена", - его язык скользнул по ее щели, нашел ее клитор, затем легонько щелкнул кончиком. Прислушиваясь к ее реакции, он перешел к длинным медленным движениям, стараясь как можно дольше удерживать язык на ее клиторе. Осмелев, он смочил указательный палец и осторожно ввел его в ее любовный канал, синхронизируя движения с движениями языка, а другой рукой крепко обхватил мускулистую плоть ее задка, демонстрируя ей всю остроту своей страсти.

Ее реакция была такой, какой он только мог пожелать. Вскрикнув, она схватила свои груди, перекатывая и пощипывая соски между пальцами, а затем отпустила их и взялась за его голову, заставляя его обслуживать ее, пока она упиралась лобком в его лицо.

Джон чувствовал, что тонет в плоти. Бедра Сюзанны зажали его уши, а его рот отчаянно пытался угодить сестре, облизывая и обсасывая каждую поверхность, до которой мог дотянуться его язык. Его верхняя губа была прижата к зубам, когда она прижималась к нему своими лонами. Только нос был чист, и он мысленно благословил Богиню, что ему не придется отрываться от Сюзанны, чтобы дышать. Ее желание распалило его, и он уперся бедрами в матрас, вдавливая в кровать свою бушующую эрекцию.

Наслаждение Сюзанны достигло пика. Последний удар его языка перевел ее через край, и она уперлась ногами в кровать, оттолкнувшись всем телом от матраса. Ее бедра раздвинулись, и она выгнула бедра. Одна рука потянулась вниз и оттянула голову Джона за волосы в сторону, а другая фрикционировала ее клитор, пытаясь продлить удовольствие.

Как только оргазм достиг своего пика, она притянула Джона за волосы к своему лицу. Глубоко поцеловав его, она заглянула ему в глаза.

"Хорошая работа, брат. Теперь трахни меня".

Джону не нужно было повторять дважды. Он закинул ноги Сюзанны себе на плечи так, что ее щель оказалась полностью обнаженной. Потратив долю секунды на то, чтобы обмакнуть

головку в ее соки, чтобы легко войти, он одним длинным уверенным движением разделил ее парную оболочку. Стоя на коленях над ней, он взял ее груди в руки и ласкал их, входя в нее снова и снова, наслаждаясь ощущением ее влажной плоти вокруг своего члена.

Почти слишком быстро он почувствовал, как его член расширяется, мышцы пульсируют, готовые выпустить миллионы спермы в плодородную киску его сестры.

"Сюзанна, я собираюсь... собираюсь..."

"Да, Джонни. Сделай это. Выпусти в меня свой заряд. Сделай это!"

Ее грязные слова вывели его из равновесия. Он опустился к ее лицу и поцеловал ее, когда его мужское достоинство взорвалось глубоко внутри нее, шепча слова любви и похоти, которые отправили ее по спирали во второй оргазм.

Джон взглянул на часы. Восемь сорок семь. Черт побери. Он слышал машину на подъездной дорожке. И не было ли какого-то шума внизу, пока он угощал Сюзанну? Его мать почти наверняка уже встала, и, похоже, по крайней мере один из их родственников уже приехал.

"Нам действительно нужно привести себя в порядок и одеться, Сьюзи".

"Одеться, может быть. Но убираться я не буду".

Джон посмотрел на свою сестру. В ее взгляде было упрямство.

"Сегодня ты, вероятно, трахнешь Элеонору, Агату или Хильду. Может быть, даже тетю Сибил, хотя я в этом сомневаюсь. После сегодняшнего дня у тебя будет два приятеля, и мне придется делить тебя. Я могу научиться принимать это, хотя сейчас мне это не нравится".

"Когда мы спустимся вниз, я хочу, чтобы они почувствовали твой запах на мне. Это мелочь и пустяк, но я хочу, чтобы они знали: что бы ни случилось сегодня, я была твоей первой".

Джон улыбнулся и глубоко поцеловал ее, проводя языком по сладкому изгибу ее губ.

"Я люблю тебя, Сюзанна. То, что произойдет сегодня, не изменит этого", - он опустил руку на ее живот, - "Как ты думаешь, мы..."

"Сделали ребенка? Нет, не прошлой ночью. Сегодня еще слишком рано говорить об этом. Твои маленькие сперматозоиды все еще прокладывают себе путь по моему туннелю, пытаюсь

добраться до яйца", - она улыбнулась его выражению лица.

"Мы ведьмы, Джонни. Конечно, мы узнаем, когда ты нас обрюхатишь. Ты бы тоже узнал, если бы нашел время попробовать". Ее рука накрыла его руку, лежащую на ее животе: "Сосредоточься".

Глаза Джона широко раскрылись. Он почувствовал это! Почувствовал, как крошечная трепещущая масса спермы внутри его сестры медленно, ох так медленно, движется вверх по ее матке к месту, где ее ждала яйцеклетка. Даже сосредоточившись, он почувствовал, как тысячи тончайших мотыльков выходят наружу, умирая в попытке оплодотворить яйцеклетку его сестры.

Он посмотрел на Сюзанну, лицо ее было мрачным.

"Мама давно рассказывала мне об этом. Она сказала мне, что мы можем почувствовать это, если попытаемся, но лучше этого не делать. Так много смертей, чтобы сделать одну жизнь". Ее голос был печальным. Она заставила себя улыбнуться. "Теперь ты знаешь. И когда придет время, и мы вместе сделаем ребенка, подумай, как это будет потрясюще - почувствовать, как это происходит!"

Кивнув в задумчивости, Джон вышел из спальни и пошел одеваться.

Глава 2

Джон спустился вниз и попал в сцену контролируемого хаоса на кухне. Несмотря на запрет тети приходить до девяти часов, казалось, что его двоюродные братья и сестра решили поторопиться. Все они были в сборе, и мама заставила их готовить огромный завтрак.

Но что действительно привлекло внимание, так это то, как они были одеты. Или, в некоторых случаях, не одеты. На Хильде были шорты, которые можно было назвать таковыми только потому, что они были сделаны из джинсовой ткани. Обрезанные по бедрам и высоко на бедрах, потрепанные края шорт проглядывали на ее щеках, когда она наклонялась, чтобы вынуть из духовки печенье. Когда она выпрямилась и повернулась, он увидел ее топ - старую кофточку с короткими рукавами, которую она завязала под грудью так, что она обхватывала и приподнимала ее бугры, создавая аппетитное зрелище, которое заставило бы всю младшую школу бежать в ванную и запирают двери.

Элеонора была еще более провокационной. Сначала он подумал, что ее клетчатый фартук - это уступка ее обязанностям по приготовлению блинов у плиты. Но когда она повернулась, чтобы взять очередной половник теста, он увидел, что она обнажена до пояса, ее груди колыхались в такт ее движениям, заставляя взгляд следить за ними. Затем он заметил, что фартук, завязанный сзади, оставил ее заднюю часть совершенно голой, и он мог видеть ее киску, непристойно выпячивающую свои губы перед ним.

Удивительно, но Сибил не пыталась превзойти своих младших родственниц, хотя сама была восхитительна. В то время как они провоцировали наглыми демонстрациями плоти, Сибил, сидя с его матерью за кухонным столом, делала это, скрывая ее. Ее обтягивающие джинсы оставляли все и вся для воображения, а тонкая футболка была достаточно тонкой, чтобы он мог видеть, как подпрыгивают ее груди, когда она смеется над замечанием, которое сделала мать Джона.

Клэр сидела через стол от своей сестры. В отличие от Сибил, она все еще была в утренней одежде. Она выбрала туманно-голубой пеньюар, который туманно облегал ее изгибы.

Увидев Агату последней, он улыбнулся. Это было так похоже на Агату - одеться во что-то разумное, пока все остальные пытаются перещеголять друг друга. Она стояла у кухонной стойки, готовя поднос с фруктами. Затем она повернулась, и он задохнулся от желания.

Джон подумал, что Агата одета в обычный сарафан цвета слоновой кости, достигающий только до середины бедра и низко обрезанный на груди, чтобы обнажить декольте, но когда она двинулась через кухню, чтобы поставить поднос на стол, свет ударил в нее, и он понял, что она будет его следующей подругой. Свет пробивался сквозь платье, превращая его в легкую светотень, подчеркивая ее грудь без лифчика. Не подозревая о его внимании, она повернулась, чтобы ответить на вопрос его матери, рот искривился в ухмылке.

"Я три года ждала, чтобы избавиться от этой гадости, тетя Клэр. Я вылила его в раковину, как только вернулась домой вчера вечером. А ты, Хильди?" - спросила она через плечо у сестры, которая перекладывала печенье на покрытый тканью поднос. "Что ты сделала с зельем?"

"Вылила его в унитаз и помочилась на него для пущей убедительности", - ответила Хильда с залихватским смехом, - "А ты, Элеонора?"

Элеонора перевернула несколько блинчиков: "Возможно, когда-нибудь он нам снова понадобится", - сказала она трезво. "Я положила его на заднее сиденье машины и собираюсь положить в морозилку в магазине. Там он будет храниться долго. Если когда-нибудь там появится кто-то, кому это может понадобиться, мы будем готовы".

"Кто-то, кому это может понадобиться? Кому, черт возьми, понадобится зелье, которое на вкус как задница и служит только для того, чтобы убавить громкость твоей сексуальной жизни?" Хильда хмыкнула.

"Многим людям", - сказала Элеонора, ее серьезный вид совершенно не соответствовал ее сексуально-фантастическому наряду. "Женщина, которая боится своего мужа, но вынуждена успокаивать его, чтобы дать себе время вырваться. Молодая девушка, которая любит молодого человека, но ей нужно время, чтобы подготовиться к следующему шагу. Даже, - ее голос стал жестче, - один из нас. Иногда мы сами себя осуждаем. Это может послужить достойным наказанием для того, кто оскорбляет нас или Богиню".

"Ты глубоко видишь, Элеонора, - сказала Сибилла, - я думаю, что твоя идея правильная. Во что

бы то ни стало, поместите ее в магазин. Но, пожалуйста, - сказала она с улыбкой, - четко обозначьте его".

Все женщины рассмеялись, и в комнату вошел Джон.

Мгновенно все разговоры прекратились. Их взгляды остановились на нем и его теле. Он был одет в пару фланелевых шорт для сна и поношенную футболку Иллинойского университета. Но для их глаз он мог быть греческим богом, сошедшим с Олимпа. Они упивались им, а когда он подошел к столу, Хильда и Элеонора покинули свои места у плиты и устремили на него горячие от вожделения взгляды.

И остановились, когда он подошел к Агате, обнял ее за талию, откинул ее недоверчивую голову назад и поцеловал ее.

Агата задрожала от радости и крепко обвила руками его шею, они целовались, проникая языком в его сладкий рот. Ее левая нога поднялась и обхватила его колено, и она вздохнула, когда его рука провела по ее бедру.

Они расстались, и Агата заплакала от счастья, прижавшись головой к его груди. Джон посмотрел на остальных членов шабаша.

"Она следующая", - сказал он.

Хильда сердито нахмурилась: "Джон, ты не можешь просто решить за всех нас, кто будет следующим. Почему Агата, а не я или Элеонора?".

"Как хорошо, что ты включил меня", - пробормотала Элеонора.

"Хильда, прекрати, - сказала Сибил, - я не думаю, что это Джон выбирал. Правда, Джон?"

"Нет, тетя Сибил", - сказал Джон, все еще обнимая Агату. "Это просто... показалось правильным".

"Сила знает", - покорно сказала Клэр, - "И Богиня. Я полагаю, мы должны доверять ей". Она обменялась забавным взглядом с Сибил. "Честно говоря, дети, мы предполагали, что следующими будут Джон и Агата. Агата провела так много времени, скрываясь от себя и, - она бросила взгляд на Хильду, Элеонору и Сюзанну, которые только что вошли в комнату, эффектно обнаженные, - от вас, что мы подумали, что будет хорошей идеей, если мы подстроим процесс так, чтобы следующей была выбрана Агги. Очевидно, Богиня хотела добиться того же результата, только действуя по-другому".